

события / зодчество восточной сиббири

Гостем фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2016» стал заслуженный архитектор России вице-президент САР, профессор МАА, дважды удостоенный национальной премии в области архитектуры «Хрустальный Дедал», дважды – премии московских архитекторов «Золотое сечение» и дважды – премии правительства Москвы в области культуры, крупнейший специалист в области проектирования театрально-зрелищных учреждений Сергей Викторович Гнедовский. В нашем журнале объектом номера стал мемориально-музейный комплекс «Куликово поле». В основу публикации легли проведенный С. В. Гнедовским мастер-класс и интервью, которое он дал члену редколлегии ПБ Константину Лидину и Марине Ткачевой.

> Реконструкция и развитие Московского театра юного зрителя по Мамоновскому переулку. В ходе данных мероприятий были осуществлены проект, рабочая документация и реализация проекта. Новый этап работы: 2011 г. Архитекторы: С. В. Гнедовский, И. В. Бушминский, А. А. Любимкин, Е. С. Любимкина
Старый этап работы: 1997-2003 гг. Архитекторы: С. В. Гнедовский, А. С. Ракита.
Конструкторы: С. Ю. Гнедовский, И. А. Ленточников, Т. В. Вечерская.



Гость фестиваля – Сергей Гнедовский / The Festival Guest Sergey Gnedovsky

Обсуждаются проблемы проектирования зрелищных и театральных зданий, в том числе театральных залов малой вместимости, особенности современной культурной политики. Рассматриваются возможности проектирования зданий общественного назначения на основе социально-культурного моделирования и с помощью системы объектов культуры и социального обслуживания. Анализируется опыт использования деревянной усадебной архитектуры на примере иркутского 130-го квартала.

Ключевые слова: проектирование зрелищных зданий, городская культурная политика, комплексные исследования, культурная самоидентичность города, архитектурная организация городского пространства, природный каркас, деревянная архитектура Иркутска. /

The article discusses designing of entertainment and theatre buildings, including theatre auditoriums with low occupant load, and peculiarities of the present-day cultural policy. It considers the possibilities for designing public buildings on the basis of social and cultural modeling and with the help of the system of cultural and welfare facilities. The use of wooden architecture is analyzed through the example of the 130 Quarter in Irkutsk.

Keywords: designing of entertainment buildings; city cultural policy; joint survey; cultural identity of the city; architectural organization of urban space; natural frame; wooden architecture of Irkutsk.



МАРИНА ТКАЧЕВА Каким образом сформировался ваш подход к проектированию театров и других зданий общественного назначения? Мне как культурологу ваш синтетический подход чрезвычайно близок.

СЕРГЕЙ ГНЕДОВСКИЙ Секрет лежит в самой задаче. Я начинал как исследователь. Тема моей кандидатской диссертации – архитектура театров и театральных залов малой вместимости, позволила мне проехать страну от Хабаровска до Эстонии и познакомиться с театральным андеграундом и творческими людьми за пределами столицы. Первый заказ был из Сургута на оперно-балетный театр. Заказчики говорили, что у них нет театрального помещения, зато есть хорошая театральная самодеятельность и балетный кружок. Сразу возник вопрос: есть ли аудитория у будущего театра и кто в нем будет выступать? Можно было бы импортировать иногородние труппы, но, соответ-

ственно, нужны были бы квартиры для приехавших артистов, а главное – нужна была отсутствующая на тот момент подготовленная театральная публика. Мы пошли по другому пути: формирования целостной культурной политики в городе на основе социально-культурного моделирования и с помощью системы объектов культуры и социального обслуживания. Это потребовало комплексных социологических, экономических, историко-культурных исследований города и его потенциала. В итоге, с нашей помощью в городе был открыт филиал ГИТИСа, создана труппа из его выпускников и открыт драматический театр. Работа потребовала создания команды специалистов, включавшая экономиста, социолога, этнографа, градостроителя, культуролога и философа-методолога. После месяца обследования региона родилась программа сохранения и развития историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа. Такое моделирование куль-



^ Московский международный дом музыки. Архитекторы: Ю. Гнедовский, В. Красильников, Д. Солопов, М. Гаврилова, С. Гнедовский

турной ситуации через экономику, социологию, традиции позволяло определять «точки роста» в регионах и то, какие объекты и в какой последовательности следовало строить. Что такое «точки роста»? Это социальные группы и объекты, которые позволили бы городу, выявлять и воспроизводить культурные ценности, возникшие на собственной почве. Речь, таким образом, идет о программе выживания культурной самоидентичности города и места. Так складывалась стратегия, которую мы для себя выработали. Нынешнее обсуждение культурной политики России подразумевает то самое моделирование, которым мы занимались когда-то под эгидой Министерства культуры. Сейчас ситуация иная, чем в 90-е годы, но мы надеемся, что принципы анализа и проектирования развития регионов и объектов культуры окажутся востребованы. Наше бюро «Архитектура и культурная политика ПНКБ» вначале было создано для выполнения консультативно-экспертных функций. Но потом мы постепенно, хоть и мучительно, переориентировались на практическое проектирование; жизнь заставила.

МАРИНА ТКАЧЕВА Ваша деятельность подразумевает взаимодействие с администрацией, культурными элитами. Что было необычного, сложного и интересного в этой работе?

СГ Работа с заказчиком – это в первую очередь попытка разо-

браться в его мотивации. Поскольку главная наша деятельность – проектирование зрелищных, театральных зданий, то главным становится эстетический компонент. Эта эстетика заключается не только в манере произнесения текстов со сцены, но в особом для каждой труппы стиле, особых творческих принципах и способах взаимодействия со зрителем. В работе мы контактировали с самыми разными и чрезвычайно оригинальными людьми. Мне повезло работать с известнейшими режиссерами и сценаристами, и всякий раз общение с ними рождало уникальный проект, который был прямо связан со спецификой театрального видения и оригинальным творческим методом каждого из режиссеров. Так случилось с МТЮЗом. Мы участвовали во внутреннем конкурсе на фасад здания. Давнее впечатление у меня было связано с посещением квартиры Камы Гинкаса и Генриетты Яновской и кобальтово-синим цветом стен их кухни. И фасад МТЮЗа я сделал таким же синим. Яновской очень хотелось зимний сад, что было невозможно в условиях реконструкции, и мы пошли по пути создания метафоры театральной зелени на фасаде здания, как некоей игры, имитирующей вечную жизнь.

При проектировании Дома музыки легче всего было общаться со Спиваковым. Я заметил, кстати, что чем ближе человек к творчеству, тем лучше он понимает суть



предлагаемого проекта. Гораздо сложнее взаимодействовать с администрацией, чиновниками. Тогда и возникает архитектура компромисса, договоренностей: сначала между членами команды, потом с городским начальством, со статусными художественными авторитетами. Иногда обсуждение имело откровенно комический характер. Отношения с заказчиком, мотивация формы, иногда бывают персонализированы. Так случилось с домом «Десятый «А»» в Астане. Заказчик решил собрать всех своих однокашников – странных и очень разных людей – и объединил их в службу заказчика. И дом получился не похожим ни на что другое.

Совсем иная история – это театр-мастерская Петра Фоменко. Здесь нужно было максимально полно ответить идеологии театра – творческой мастерской и на вызов городского пространства: транс-

портное кольцо и уличный шум, от которого надо изолировать театр, рождают необходимость глухой стены; к жилому массиву обращена тоже глухая стена, но имеющая элементы, создающие переходный масштаб; эксплуатируемая зеленая кровля (которая, кстати, спасла театр от экстремальной летней жары в 2010 году); стена, обращенная к зеленой зоне – это зеркальное стекло, чтобы создать дополнительное впечатление от зелени.

КЛ Я вижу, что на территории Дома музыки много зелени. Насколько сложно было осуществить озеленение?

СГ Лиственные деревья растут уже 12 лет, хотя вначале казалось, что им просто негде быть. Мы создали искусственную почву: высота грунтового слоя 54 см, под ним дренаж, утеплитель. Чтобы дерево росло, на этот слой ставится бетонное кольцо 80 см и запол-



^ Проектирование зданий Центра приема и обслуживания посетителей и Фестивального центра на территории музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная поляна». Период работы: 2015 г. Архитекторы: С. В. Гнедовский, А. А. Любимкин, Е. С. Любимкина, Е. В. Хромова, И. В. Бушминский

няется землей. Корневая система прогревается и за пределами кольца развивается по горизонтали в плодородном слое.

МТ Какие архитекторы являются для вас наиболее значимыми?

СГ Жан Нувель и Альварес Сиза. Среди российских – Андрей Буров, очень тонкий человек, который прошел все смены стилей очень мягко, не изменяя себе. Осип Бове.

КЛ Может показаться, что в вашей работе над театром П. Фоменко в интерьерах встречаются цитаты из античного, французского, английского стилей. Такой постмодернизм. Но в то же время – это не цитаты...

СГ Это коды, архетипы. Это не формы, в которые облачается идея, а сами смыслы. В театре-мастерской П. Фоменко преднамеренно сделано так, что мы как бы переходим от одной театральной эпохи к другой благодаря архитектурной организации пространства: круглая форма ложи гардероба – от французского театра публики, в котором зрители скорее демонстрировали себя, нежели смотрели спектакль. Одновременно это и архитектурный прием, решающий спуск на 7,5 метров из-за особенностей рельефа, на котором расположен театр. В фойе кассового зала стены сделаны из бесшовного стекла, что раскрывает еще один театральный код, идущий от детского воспоминания о впечатлении перед началом спектакля: занавес еще закрыт,

но два луча уже его освещают и обещают волшебное зрелище. Хотя за занавесом нет сцены, но театральный код действует, создавая предощущение спектакля. Каскад театрального фойе и галереи отсылают к традиции шекспировского, елизаветинского театра, театра постоянного двора, в котором гости выходили на галереи, зная лежала на можжевельных ветках, а чернь набивалась в партер. Мраморные ступени амфитеатра с подушками связаны с традицией античного театра. Возникает не только погружение в разновременные театральные эпохи, но и то специфическое ощущение свободы выбора, которое не могут дать ни кино, ни другие массовые зрелища. Но от проектировщика требуется особое понимание задачи и широкий кругозор.

КЛ Можно ли этому научить?

СГ Это разговор об образовании. Одна точка зрения – что в архитектуру можно войти на любом уровне своей жизни, будучи креативной, талантливой личностью. Поэтому человеку, обладающему талантом, достаточно после любого технического вуза поступить в магистратуру. Там он получает некое представление об архитектуре и, проявляя своей одаренностью, становится придумщиком новых, неожиданных вещей. Моя точка зрения, что особенность архитектурной профессии состоит в культуре. Надо знать фундаментальные особенности культуры и историю

архитектуры. Тогда движение в культуре становится осмысленным. И когда ты возвращаешься к определенным ее знакам и глубинам, то результат креативного мышления приобретает не свойства рекламного ролика, но культурного события. Сейчас время не только сложное, но и переломное в отношении временных и ценностных измерений. Прежняя система ценностей размывается, а, возможно, создается новая, которую мы еще пока не вполне осознаем...

МТ Может быть, системы ценностей умножаются?

СГ Да, скорее всего, так. И изменение времени тоже меняется. Есть распространенная точка зрения, что все, уже созданное в истории, надо забыть и начинать с чистого листа.

МТ Как в двадцатые годы.

СГ Да. А есть точка зрения, что мировая культура, глобальное мирозерцание, мирсистемное измерение культуры обязательно должны быть. Равным образом существуют и системы ценностей, основанные на национальной идентичности и истории. То и другое должно быть.

МТ Тревожно не то, что они существуют;стораживает, что между ними не устанавливаются никакие связи и коды.

СГ Мне кажется опасной тенденция создавать только то, чего никогда не было, стопроцентная ориентация на инновации.

КЛ И чем больше стремление создать небывалое и новое, тем вернее получается банальность...

СГ Потому что нет «подложки», культурной почвы, а есть рекламное мышление.

КЛ Прямая аналогия с тем, как, например, создавалась классическая русская литература: ее могли создать только люди, владеющие с раннего детства несколькими языками. А сейчас и русский-то язык практически забыт. Откуда же взяться таким широко образованным людям?

СГ Где взять – не знаю. Но они есть. Русский народ столь богат, что мы даже не подозреваем о происходящем где-то рядом и о том, как это вдруг проявится. Талантливых и образованных очень много. У меня ощущение, что в провинции их не меньше, чем в столицах. Они, конечно, уходят и растекаются по миру, но рано или поздно это движение, о котором я говорил, проявится.

КЛ Какой путь вам все-таки представляется более продуктивным – искать и поддерживать таких культурных людей?

СГ Да, конечно. В свое время у меня была создана команда из таких специалистов, которые друга друга хорошо знают. Я подтянул разноплановых специалистов-единомышленников, не только архитекторов; так сложилась стратегия на междисциплинарном взаимодействии.



^ Театр-мастерская Петра Фоменко на набережной Тараса Шевченко в Москве. Проект и реализация. Период работы: 2003–2004 гг. Архитекторы: С. В. Гнедовский, М. М. Гаврилова, М. Ю. Крылов, И. С. Захаров, О. Б. Барсукова. Конструктор С. Ю. Гнедовский

КЛ Ваш опыт уникален, ведь сообщество архитекторов очень замкнутое.

СГ Да, у архитекторов есть такое представление о кастовости, замкнутости профессии. Нельзя от всех требовать междисциплинарной широты. Некоторые лучше придают в условиях узкопрофессиональных, но «пропорция» того и другого всегда зависит от конкретного социального заказа, от культурной ситуации.

КЛ Тема номера – природа в городе. Мы пришли к выводу, что единственное отличие природного от неприродного – то, что оно живое, и у чувствительных людей есть чувство жизни. В ваших объектах чувствуется, что они живые. Насколько это программно или получается само собой?

СГ Трудно сказать. От вас я слышу об этом впервые. Но мне кажется, что это зависит от самой методики проектирования: мы идем от обстоятельств. Когда ты понимаешь природу и фактуру того, что ты делаешь, ты невольно начинаешь развивать этот организм, эту идею. И когда ты развиваешь этот посыл, тогда и вырастает естественность взаимоотношения человека и той среды, в которой он будет существовать.

КЛ Можно ли представить целую архитектурную среду, состоящую из живых объектов?

СГ Видимо, да. Но, к сожалению, мы создаем не среду, а уникальные

объекты: слишком длинен срок даже их реализации. Поэтому я средовое окружение даже не показываю.

МТ А хотелось бы вам создавать такую органичную среду? Как Ле Корбюзье – от объекта к среде? И можно ли считать такую цель долгосрочным проектом на будущее?

СГ Трудно сказать. Уж очень сложны сейчас сами условия проектирования. Кроме того, у меня специфический круг заказчиков: большинство из них связано со сферой культуры, с государственной политикой, а не с бизнесом. У многих архитекторов, которые проектируют в Москве сегодня, другая система мышления и другие принципы проектирования, нежели те, которые исповедую я. Мы разрабатываем проект от начала до конца, а у более молодых, как правило, другой подход: они предлагают креативную идею, а разрабатывают ее уже другие.

МТ Но это закономерное внутрипрофессиональное разделение труда.

СГ Да, возможно, но это рождает дополнительные сложности и особенности в движении от замысла к реализации.

КЛ Если бы вас пригласили стать руководителем проекта «Иркутские кварталы», то как бы вы начали работать?

СГ Прежде всего надо пожить на этом месте: побродить, посмо-

треть, почитать, внедриться в эту историю, надыхаться ею. А дальше возникают проблемы: у вас есть застройщик, производственная база, высотность, стоимость квадратного метра... Все это предполагает ограничения.

КЛ Но в какой момент рождается образ?

СГ Расскажу об одном эпизоде из своей практики, хотя я не очень люблю жилищное строительство. У нас есть реализованный проект застройки в Троицке. Самые банальные сверхэкономичные многоэтажки, но они овальные. Мэр ими очень гордится, всем показывает. Их конфигурацию продиктовала речка Десна, на берегу которой стоят эти башни, ее плавные изгибы, текущая линия берега. Надо было сделать как бы продолжение особенностей природного контекста, и появились текучие, кирпичные овальные высотки; форма оказалась определена своеобразием участка. Уникальные объекты вовсе не обязательно строятся из уникального материала: в Троицке мы использовали самый банальный кирпич. Но важен «голос» местности в целом, то, чем она отличается от любой другой. И это отличие надо проявить. Разные ландшафты требуют разной архитектуры: есть такие места, которые требуют острых углов и очертаний. С этого и начинается архитектура в отличие от дизайна: дизайн – это создание предмета для любого места. Архитектура вырастает из конкретного места и конкретных

обстоятельств, и в другое место перенести ее нельзя. Это морфологическое отличие архитектуры от дизайна, которое зачастую не осознается.

КЛ Что вы можете сказать об Иркутске, его гении места?

СГ Дерево. Деревянная архитектура. В Иркутске она усадебная, и это серьезное отличие ее от других городов. Мне понравилось, что вы вводите ее как контекст, как некую достопримечательность города: она становится встроенной в современную жизнь, как и произошло в 130-м квартале. Этот опыт доказывает, что дерево может в своей исторической интерпретации, в воспроизведении масштаба центральной части города стать деталью современной жизни. Почему даже современное здание «Модного квартала» не портит общего настроения? Потому, что там найдены пропорции по отношению к общей деревянной застройке, поэтому там уютно и человекосоразмерно. Это образ естественной городской жизни. И сохранение деревянной застройки вокруг Крестовоздвиженской церкви тоже подчеркивает уникальный характер города. Это сильнейший козырь в ваших градостроительных предложениях. Только дерево и качественная архитектура образуют своеобразие и неповторимость вашего города на другие.

**Марина Ткачева /
Marina Tkacheva**